

УДК 94 (47). 084. 6

СОСТАВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*А.А. Слезин, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой «История и философия» Тамбовского
государственного технического университета*
А.А. Беляев, кандидат исторических наук

В статье рассматриваются основные тенденции в изменении состава провинциальных комсомольских организаций в 1945–1954 гг.

Ключевые слова: комсомол; молодежь; кадры; состав; одевичивание; интеллектуальный потенциал; созидание.

В первый послевоенный год численность провинциальных комсомольских организаций росла в основном за счет первичных организаций колхозов, предприятий промышленности и транспорта, в которые массово возвращались молодые фронтовики. Затем число возвращающихся из армии стало уменьшаться. Одновременно увеличилось количество комсомольцев, уехавших с прежних мест проживания в регионы, освобожденные от врага, где комсомольцы принимали активное участие в восстановлении промышленных объектов и строительстве.

24 августа 1946 г. ЦК комсомола принял Постановление «О росте ВЛКСМ и улучшении политико-воспитательной работы с вновь вступившими в комсомол». В нем подчеркивалось, что укрепление рядов ВЛКСМ за счет лучших представителей молодых рабочих, колхозников, интеллигенции, учащихся должно стать одним из главных направлений деятельности всего комсомола. Особенно акцентировалось внимание на необходимости создания в ближайшее время первичных комсомольских организаций в большинстве колхозов. Данное требование приобрело актуальность еще в годы войны, когда в силу сокращения и до этого небольшой сети колхозных партийных организаций непосредственное исполнение партийных директив по мобилизации сельскохозяйственных ресурсов тыла зачастую возлагалось на комсомольские организации. В послевоенные годы эта задача оставалась актуальной, поскольку сохранилась необходимость организационно-мобилизационной роли партийных и комсомольских организаций [1, с. 20–24].

Вопросы роста рядов регулярно обсуждались на заседаниях областных, районных и городских комитетов комсомола, на совместных партийно-комсомольских собраниях. Стали практиковаться открытые собрания, где беспартийной молодежи рассказывали о нормах Устава ВЛКСМ. Организовывались агитационные

встречи с ветеранами комсомола, комсомольцами-фронтовиками. Для постоянной связи с комсомольскими организациями были подобраны внештатные инструкторы, которые организовывали культурно-массовые и пропагандистские мероприятия в первую очередь среди молодежи тех колхозов, где не было комсомольских организаций.

Но несмотря на все организационные и пропагандистские усилия, ЦК ВЛКСМ не сумел добиться положительных результатов по всем регионам в деле укрепления первичных комсомольских организаций. Так, даже на основных предприятиях Тамбовской области больше половины молодежи комсомольского возраста оставались вне ВЛКСМ. В конце 1946 г. в области более 950 комсомольских организаций были малочисленными, причем из них 30 насчитывали лишь по 2 комсомольца. Рост рядов шел в основном за счет учащейся молодежи семилетних и средних школ, ремесленных училищ и школ ФЗО, служащих [2. Д.722. Л.2]. К тому же, как позже выяснилось, в большинстве случаев цифры роста были сфальсифицированы.

29 марта – 7 апреля 1949 г. состоялся XI съезд ВЛКСМ. Он внес существенные изменения и дополнения в Устав ВЛКСМ. Разрешенный ЦК ВЛКСМ в ноябре 1942 г. прием молодежи в комсомол с 14 лет был признан оправдавшим себя. Главный аргумент – рост комсомола за счет этой группы молодежи. Впрочем, стоит признать, что объективно эта мера была назревшей: подростки, достойно заменившие старших товарищей на производстве, обычно проявляли не меньшую сознательность и организованность в деятельности комсомольских организаций. Положительную роль сыграло то, что в рамках комсомола с ними общались теперь на равных. В своих делах они стремились ни в чем не уступать старшим.

До XI съезда ВЛКСМ молодежь, желающая вступить в ряды комсомола, но с точки зрения комитета ВЛКСМ недостаточно подготовленная для этого, могла приниматься кандида-

тами в члены ВЛКСМ сроком на 6 лет. Однако на практике в 1940-е гг. эта норма устава почти не применялась. XI съезд ВЛКСМ отменил кандидатский стаж при приеме в комсомол [3, с. 222–223]. Это также способствовало ответному доверию молодежи по отношению к ВЛКСМ.

Были приняты меры, обеспечивающие недопущение огульных исключений из комсомола. Решение вопросов об исключении из комсомола предписывалось сопровождать тщательным разбором обоснованности предъявляемых обвинений. Особенно непривычно звучало требование предъявлять «максимум осторожности и товарищеского внимания». Апелляции исключенных из комсомола ЦК ВЛКСМ предписывал рассматривать не позднее чем в двухнедельный срок со дня поступления апелляции. Вновь был заострен вопрос о необходимости всемерного расширения политического влияния на сельскую молодежь, активного вовлечения ее в ряды ВЛКСМ [4, с. 448].

Руководящие органы ВЛКСМ тревожило снижение темпов роста рядов сельских комсомольских организаций. Если в 1946 г. прирост колхозных комсомольских организаций составил 144,2 тыс. чел., в 1947 г. – 314,1 тыс., то следующие три года вместе дали прирост в 170,3 тыс. чел. [5, с. 436].

Дело в том, что сразу после войны на изменение численности сельского комсомола оказывали влияние два процесса, по существу действовавшие противоположно. Прирост организаций (как на селе, так и в городе) осуществлялся в основном за счет демобилизованных военнослужащих и приема новичков. Но одновременно шел и процесс переселения сельской молодежи в город. Причем среди причин миграции сельской молодежи необходимо учесть не только крайне некомфортные условия жизни в послевоенной деревне, но и официальные оргнаборы. Только в 1948 г. колхозы должны были направить в порядке оргнабора в промышленность 600 тыс. чел., в систему профтехобразования – около 1 млн чел. [6, с. 44].

В 1950 г. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 мая «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [7, с. 214–217] было осуществлено укрупнение мелких колхозов, что предопределило организационное укрепление сельских комсомольских организаций. В августе 1950 г. было принято Постановление ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций в связи с укрупнением колхозов» [2. Д. 573. Л. 16]. К концу 1950 г. численность комсомольских организаций, созданных в колхозах, в целом по РСФСР снизилась на одну треть. Процент колхозов, имевших комсомольские организации в краях и областях РСФСР, достиг 98 [6, с. 47]. В начале 1950-х гг. количество колхозных комсомольских организаций стабилизировалось.

В связи с ростом удельного веса крупных комсомольских организаций колхозов и совхозов появилась возможность в большинстве из них создать комсомольские группы на фермах и в бригадах. Это была самая близкая к комсомольцам форма организации, функционирование которой было поддержано в декабре 1950 г. Постановлением ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских групп в колхозах».

Большие трудности возникали также с формированием комсомольских организаций в системе трудовых резервов. В целом количество принимаемых в комсомол учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО из года в год практически не увеличивалось.

Бесспорно, благоприятно на составе организации отразился рост численности вузовских комсомольских организаций: вместе с ним повышался интеллектуальный потенциал всего комсомола. Правда, при общем росте вузовских организаций удельный вес студентов в составе комсомола даже понижался. Объяснение этого кроется прежде всего в том, что в вузы принимали как правило, уже вступивших в комсомол. Сказывались последствия войны, когда сократился прием абитуриентов в вузы. После войны благодаря фронтовикам контингент студентов резко «повзрослел». Кроме того, по сравнению с другими поколениями послевоенная студенческая молодежь отличалась определенной аполитичностью. В ряде учебных заведений комсомольцы первых курсов отказывались становиться на комсомольский учет, мотивируя свой отказ тем, что в комсомольской организации «жизнь скучная и неинтересная» [9, с. 140].

Главным источником прироста большинства региональных комсомольских организаций в первые послевоенные годы были средние и неполные средние школы. Особенно резко выросло за изучаемый период количество комсомольцев-школьников в сельской местности. Именно в сельских школах было больше всего первичных комсомольских организаций.

Впрочем, рост удельного веса студенческой и учащейся молодежи в первые послевоенные годы не смог компенсировать ущерб, нанесенный интеллектуальному потенциалу организации Великой Отечественной войной. В конце 1948 г. в Тамбовской области, например, насчитывалось 2 709 комсомольцев, не имеющих даже начального образования. Только начальное образование имели 27 018 комсомольцев [2. Д. 811. Л. 84].

Традиционно комитеты ВЛКСМ считали важной проблемой увеличение комсомольской прослойки среди допризывников, стремились к тому, чтобы большинство призванных в Советскую Армию были комсомольцами. Однако в данный период темпы роста количества комсомольцев-призывников считались неудовлетворительными. Кроме того, рост этого показателя

в конечном счете отрицательно сказывался на составе провинциальных комсомольских организаций: получалось, что членов ВЛКСМ готовили для армейского комсомола.

В комсомольских организациях, которые в годы войны находились в советском тылу, мало менялось в ходе изучаемого периода количество первичных комсомольских организаций промышленности и транспорта. Однако это почти не связано с деятельностью комсомола. В отличие от оккупированных в годы войны регионов, в тыловых регионах в первые послевоенные годы появлялось значительно меньше новых промышленных и транспортных предприятий, следовательно, очень быстро был исчерпан ресурс роста производственных комсомольских организаций. В то же время наряду со школьными это были самые крупные организации, так как прием в комсомол рабочей молодежи проходил наиболее упрощенно.

По-прежнему важнейшей формой укрепления комсомольских кадров считалось увеличение партийного ядра, партийной прослойки в ВЛКСМ. На деле по сравнению с периодом Великой Отечественной войны партийное ядро уменьшилось за первые послевоенные пять лет почти в 2 раза (в целом по стране с 6,4 до 3,5 %). Осознав, что ситуацию вряд ли можно исправить при одновременных процессах быстрого роста рядов ВЛКСМ и общего сокращения приема в партию, комсомольские и партийные функционеры, повторяя ритуальные фразы о важности партядра, все меньше реальных усилий прикладывали к его усилению [10, с. 31–32]. В сложившихся условиях беспрекословного подчинения комсомольских органов партийным проблема роста партийного ядра теряла свою былую актуальность.

Одним из главных отрицательных показателей статистических отчетов был процент комсомольских организаций, не имевших прироста. Комсомольско-молодежные задания нередко ставили нереальные задачи. В частности, газета «Молодой сталинец» 10 января 1952 г. писала: «Мы можем и обязаны добиться, чтобы каждая первичная организация ежемесячно, а не от случая к случаю, росла и крепла».

В реальности регулирование роста рядов происходило обычно волевым порядком. Многие комитеты комсомола нарушали принцип добровольности. Снижались требования к вступающим. Доходило до того, что некоторые райкомы развернули социалистическое соревнование комсомольских организаций по приему в союз. Массовое неполучение вступившими в ВЛКСМ комсомольских билетов нередко объяснялось не удаленностью первичных организаций от райкома, а тем, что вступившие «и не знали о своем вступлении» [11. Д. 770. Л. 9–10]. ЦК ВЛКСМ неоднократно обращал внимание комсомольских организаций на подобные нару-

шения Устава ВЛКСМ, но еще более настойчиво конкретные комсомольские руководители требовали наращивать показатели роста комсомольских организаций. В результате прагматизм секретарей комитетов комсомола побеждал. Цифромания стала неотъемлемой чертой работы комсомола. Тамбовский обком ВЛКСМ признавал в 1948 г.: « В ряде организаций обсуждение заявлений о приеме в комсомол стало чисто формальным делом. Комсомольские организации, бюро райкомов ВЛКСМ поверхностно знакомятся с деловыми и политическими качествами вступающих в комсомол. Вступающему в комсомол не дается оценки, его положительные и отрицательные качества не обсуждаются, о его стремлении никто не спрашивает. Акт приема в таком случае не оказывает воспитательного воздействия на вступающего в ВЛКСМ и на присутствующую на собрании молодежь» [2. Д. 820. Л. 50].

В целом по стране численность союза молодежи за 5 лет между XI и XII съездами ВЛКСМ выросла вдвое, а комсомольская прослойка среди молодежи втрое [12, с. 192].

Даже воспитанные в религиозных семьях вынуждены были вступать в ряды ВЛКСМ, так как без комсомольского билета они оставались вне статуса передовой молодежи, теряли возможность карьерного роста в перспективе. Вот как описывает поэтесса В.Т. Дорожкина свое вступление в комсомол: «...когда мне исполнилось четырнадцать лет и в школе вручили анкету для вступления в комсомол, не сказать об этом дома я не могла... я принесла анкету домой. Мама тут же сбегала за бабушкой. Еще не заполненная анкета лежала перед ними на столе. Бабушка отправила меня на улицу, но далеко уходить не велела. Да где там уходить! Я и сама, чувствуя важность момента, сидела у дома на лавочке, готовая вскочить, как только позвонят. И вот позвали. Бабушка, бережно держа анкету обеими руками, протянула ее мне со словами: «в Божьем Писании сказано: “Вперед не иди и сзади не отставай”. Так я получила благословение на вступление в комсомол» [13, с. 8].

Сегодня трудно понять ситуацию, когда многие райкомы комсомола не справлялись с выдачей членских билетов комсомольцам, принятым на собраниях первичных организаций. Сами райкомы объясняли это обычно удаленностью многих первичных организаций от районных центров. Раздавались предложения перенести вручение комсомольских билетов на собрания первичных организаций, но вопрос так и не был решен. Причем на самом деле, как выясняется при более глубоком изучении документов областного комитета ВЛКСМ, причина появления проблемы значительно проще: отсутствие в комитетах комсомола достаточного количества бланков комсомольских билетов.

В корне отличается от довоенной статистика послевоенных исключений из комсомола.

Если в 1930-е гг. исключение из ВЛКСМ было делом обыденным, «враги народа мерещились в каждом» [14, с. 520–530], то в 1945–1947 гг. решения об исключении из комсомола принимались только в крайних случаях (в основном против тех, кто совершил преступление или грубо нарушил Устав ВЛКСМ). Правда, законодательство тех лет отличалось строгостью, так, например, были факты исключения из комсомола осужденных к 1,5 годам лишения свободы за отказ работать в МТС [2. Д. 771. Л. 29 об.]

Крайне редко при исключении из комсомола использовалась формулировка «за бездушное отношение к людям». Однако само ее наличие, с нашей точки зрения, говорит о том, что война все-таки способствовала некоторому «очеловечиванию» внутрикомсомольской атмосферы.

Впрочем, война породила и новую разновидность образа врага. Показательно в этом отношении одно из выступлений на собрании комсомольского актива Тамбовской области в сентябре 1947 г.: «В областное лекционное бюро... решили взять штатным лектором человека, который 4 года был у немцев в плену... Достойно или недостойно вел он себя там – нам не известно. Известно только, что человек 4 с половиной года был в немецком плену. Сомнительно, чтобы у него все там было хорошо. Нет же, его сразу сделали лектором, культивировать советский патриотизм» [2. Д. 773. Л. 27]. Среди причин исключений вновь появилась графа «за сокрытие биографических данных». Правда, в изучаемый период она почти всегда оставалась незаполненной.

В первый послевоенный год с помощью исключений из комсомола в первую очередь пытались наладить дисциплину и повысить успеваемость в школе, но, не добившись значительных результатов, перенесли центр тяжести на воспитательную работу.

Только в изучаемый период столь широко при исключениях употреблялась формулировка «за дезертирство с производства и школ ФЗО». Она в полной мере отражает то огромное значение, которое придавал комсомол в те годы производственным задачам. Юноши и девушки, направленные комсомолом на заводы, стройки и в школы ФЗО, но уволенные или отчисленные оттуда, воспринимались в комсомольской организации как дезертиры.

С помощью исключений из комсомола активно боролись с расхищением колхозных средств, нарушением устава сельхозартели, действиями, направленными на развал колхозов. Именно на этом направлении опять было больше всего перегибов. Ведь иногда комсомольцы просто физически не могли справиться с сельскохозяйственными заданиями и попадали в разряд «антиколхозных элементов».

Как ни странно, наибольшим количеством исключений во многих регионах в рамках изу-

чаемого периода отмечен 1953 г., давший резкий рост комсомольских наказаний за хулиганство, пьянство, уголовные преступления. Видимо, это стало следствием общей криминализации обстановки в «холодное лето 53-го».

Обратим также внимание, что исключение из комсомола после войны превратилось в самую редкую причину выбытия из организации. Значительно чаще комсомольцы уезжали служить в армию или работать в другие места. Заметным для молодого возраста было количество умерших комсомольцев. Причем согласно косвенным данным причиной служили не только последствия ранений бывших фронтовиков. Скорее всего, высокую смертность в первые послевоенные годы следует связать и с тяжелыми социально-экономическими условиями жизни.

Одной из наиболее сложных для послевоенного комсомола стала проблема кадров. Около 60 % освобожденных комсомольских работников находились на своих должностях менее года [6, с. 49]. Низок был их общеобразовательный уровень.

В этих условиях ЦК ВЛКСМ предпринял большие усилия, направленные на переподготовку руководящих комсомольских кадров. Райкомы и горкомы комсомола стали регулярно проводить семинары и совещания секретарей первичных комсомольских организаций. При областных партийных школах были созданы комсомольские отделения. Однако даже сам ЦК ВЛКСМ оценивал проведенную переподготовку критически, признавая, что учеба готовилась наспех и превращалась в «накачку» секретарей материалами по текущим вопросам комсомольской работы [15, с. 54–60]. На совещании секретарей по пропаганде и агитации в ЦК ВЛКСМ (1947 г.) подчеркивалось: «Надо признать, что одной из причин слабой работы отдельных райкомов комсомола с молодой интеллигенцией является то, что комсомольские работники по своему политическому, общеобразовательному и культурному уровню стоят иногда ниже этой интеллигенции» [16. Д. 409. Л. 11].

В августе 1946 г. ЦК ВЛКСМ принял Постановление «О структуре райкомов (горкомов) комсомола». Типовая структура райкома (горкома) теперь состояла из 1-го и 2-го секретарей, отдела пропаганды и агитации, отдела кадров и организационно-инструкторской работы, отдела пионеров, сектора учета и статистики. Согласно постановлению, 2-й секретарь райкома (горкома) комсомола одновременно заведовал отделом пропаганды и агитации. Заведующие отделами утверждались на пленумах соответствующих комитетов комсомола [2. Д. 712. Л. 105-105 об.].

Текучесть кадров продолжала оставаться высокой и на рубеже 1940–1950-х гг. Во многом она дезорганизовывала работу комсомольских организаций.

При этом следует подчеркнуть, что глубоко не правы те современные исследователи, которые считают, что штатная комсомольская работа была очень легкой, привлекательной. В тяжелейших социально-экономических условиях первых послевоенных лет сотрудники аппарата районных и городских комитетов комсомола по 2–3 месяца не получали зарплату [2. Д. 716. Л. 42 об.]. Молодые ветераны войны – комсомольские работники жаловались, что из одежды имеют только солдатскую [2. Д. 716. Л. 46]. Типично заявление от 2-го секретаря Алгасовского райкома комсомола Александры Васильевны Федуловой: «Работать вторым секретарем РК ВЛКСМ я не в состоянии, так как нет у меня организационной способности и настойчивости, уменья быть на руководящей работе... И материально я не обеспечена, чтобы быть в командировках – не имею обуви и одежды. Я имею больше склонности и пристрастия к учительской работе. Я окончила учительский институт» [2. Д. 724. Л. 2].

В этой ситуации, к сожалению, значительно больше, чем вопросам образования комсомольского актива, уделялось его партийности. Как известно, статус комсомола как резерва партии был подкреплен положением Устава ВКП (б) 1939 г., согласно которому прием молодежи до 20 лет в партию осуществлялся исключительно за счет комсомольцев [17, с. 529]. Рядовых комсомольцев – членов партии по общему правилу передали в соответствующие партийные организации, а в Устав ВКП(б) в 1939 г. внесли дополнение, предусматривающее исключение из этого правила для представителей руководящего звена ВЛКСМ. На XI съезде ВЛКСМ как важнейшее достижение в укреплении комсомольских кадров подавалось увеличение партийной прослойки среди секретарей крайкомов и обкомов комсомола до 99,3 %, а среди секретарей райкомов – до 95,2 % [4, с. 36].

В реальности значительно большее значение для практической работы комсомольских работников имело их образование. Тем не менее высоким общеобразовательный уровень послевоенных штатных сотрудников комитетов ВЛКСМ никак не назовешь. В Тамбовской области, например, в 1947 г. только 13 из 255 руководящих работников городских и районных комитетов ВЛКСМ имели высшее или незаконченное высшее образование, у 74 не было и среднего образования [2. Д. 820. Л. 27]. В 1949 г. 12 первых и 19 вторых секретарей районных и городских комитетов комсомола не имели среднего образования [2. Д. 881. Л. 13]. Даже по сравнению с первым послевоенным годом увеличилось число секретарей первичных организаций с начальным и семилетним образованием. В Волчковском районе, например, в 1949 г. половина секретарей первичных организаций имели начальное образование [2. Д. 881. Л. 14].

В 1951 г. более двух третей секретарей первичных комсомольских организаций г. Тамбова, Волчковского и Мордовского районов имели низшее и незаконченное среднее образование. На 1 января 1953 г. 10 первых, 14 вторых секретарей, 60 заведующих отделами и секторами райкомов и горкомов ВЛКСМ Тамбовской области не имели среднего образования [2. Д. 1145. Л. 59]. Пагубность подобного положения все более отчетливо осознавалась.

Возраст руководящих комсомольских работников в первые послевоенные годы, как правило, соответствовал комсомольским нормам. В отличие от более позднего периода истории ВЛКСМ, когда разница среднего возраста комсомольских руководителей и рядовых членов достигала недопустимых значений, комсомольские лидеры послевоенных лет хотя бы в силу своего возраста могли осознать запросы молодежи.

Показывая признание огромной роли комсомола в общественно-политической жизни страны, советская пропаганда традиционно выпячивала высокие цифры участия комсомольцев в работе государственных органов. Так, в 1947 г. в местные Советы РСФСР было избрано более 104 тыс. депутатов в возрасте до 24 лет, более 50 тыс. из них являлись членами ВЛКСМ [18]. Однако зная, что места в Советах распределялись по заранее распланированным квотам, а сами выборы превращались в своеобразную «игру в демократию» [19, с. 132–136], вряд ли следует воспринимать данные цифры как прямые свидетельства повышения роли комсомольцев и молодежи в общественно-политической жизни.

Действенным инструментом партийного влияния на комсомол по-прежнему было закрепление за молодыми коммунистами важнейших постов в комсомольском аппарате, начиная с районного уровня. Этим комсомольские руководители фактически выводились из под критики комсомольцев: партия и ее члены были для них неподсудны.

Кампании массового приема в комсомол, как и раньше, вели к абсолютизации количественных показателей за счет качественных. Главными критериями оценки своей работы для комсомола стали цифровые показатели. Количество, как правило, достигалось за счет понижения качества. Однако в условиях, когда комсомол был единственной массовой легальной молодежной организацией страны, нельзя отрицать и определенной полезности борьбы за его массовость. По существу только через комсомол молодежь могла активно включиться в общественно-политическую жизнь страны. Повсеместно создавая комсомольские организации, государство в первую очередь заботилось о повышении мобилизационных возможностей комсомола, который являлся организатором и

несоюзной молодежи. Конечно, можно возразить, что на первый план выдвигались задачи идеологической работы, укрепления власти. Не отрицая этого, мы тем не менее хотим обратить внимание на совпадение интересов власти, общества в целом и молодежи, в частности, в деле послевоенного восстановления и развития.

В этой связи положительно можно оценить рост представительства в комсомоле сельской молодежи. В результате без комсомольского присутствия в большинстве регионов не оставался теперь ни один населенный пункт. Сравнительная многочисленность комсомольских организаций, наличие у большинства комсомольцев хоть какого-то образования, вовлечение многих комсомольцев в учебный процесс придавали сельским комсомольским организациям статус чуть ли не основных очагов культуры в российской глубинке.

Хотя в целом интеллектуальный потенциал организации был весьма низким (и это значительно затрудняло выполнение ее созидательных программных целей), по сравнению с первыми десятилетиями существования молодежного союза доля учащейся и студенческой молодежи в ВЛКСМ заметно выросла. Особое значение это имело в условиях российской провинции, где комсомолу принадлежала важнейшая роль в развитии культуры, образования, всей духовной сферы.

Претворение в жизнь государственных задач в системе народного образования, возлагаемых на комсомол, облегчалось с помощью

создания первичных комсомольских организаций практически в каждом учебном заведении.

Хотя в отличие от первых двух десятилетий истории ВЛКСМ теперь не ставился вопрос «одевничивания» комсомола, в связи с военной демографией (гибелью на фронте миллионов мужчин, приобщением женщин к тяжелому физическому труду, «мужским» занятиям) резко увеличилась доля девушек в союзе. Затем доля девушек постепенно уменьшалась. Но большинство в комсомоле теперь составляли именно они.

Все более заметным становилось общее «омоложение» организации. В 1946 г. в ВЛКСМ 63 % составляла молодежь, вступившая в комсомол в 1943–1945 гг., в возрасте до 20 лет [20, с. 269]. С одной стороны, она не успела и не могла получить необходимого образования и идейно-политической подготовки. С другой стороны, в отличие от молодежи старших возрастов (обремененной семьей и работой) 14–19-летние юноши и девушки более важной считали проблему организации досуга, были более восприимчивы к вовлечению в физкультурное движение, художественную самодеятельность, научные кружки и т.п.

Таким образом, по своему составу комсомольские организации первых послевоенных лет резко отличались от довоенных. Несмотря на все противоречия в развитии комсомола, можно смело говорить об усилении его созидательного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комсомольский работник. 1946. № 17–18.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1184. Оп. 1.
3. Организация удесятеряет силы. М., 1968.
4. XI съезд ВЛКСМ. 29 марта–7 апреля 1949 г.: стеногр. отчет. М., 1949.
5. Советская деревня в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). М., 1978.
6. *Ведерников В.П.* Комсомол – помощник партии в развитии культурно-просветительной работы на селе (1946–1950 гг.) (На материалах партийных и комсомольских организаций РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1985.
7. Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле: Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. // КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 8.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 1.
9. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.
10. *Апресян З.Г., Сулемов В.А.* Партийное ядро в комсомоле. М., 1975.
11. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3.
12. *Алексеев А.А.* От войны к миру: комсомол в первое послевоенное десятилетие // Позывные истории. М., 1990. Вып. 9.
13. *Дорожкина В.* Как говорила моя бабушка... // Рассказ-газета. 1992. № 16.
14. *Слезин А.А.* Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2Б.
15. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (сентябрь 1947 года – июнь 1948 года). М., 1948.
16. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32.
17. Товарищ комсомол: докл. съездов, конф. комсомола и ЦК ВЛКСМ: в 2 т. М., 1969. Т. 1.